

юности: события 1905 в Костроме нашли свое отражение в романе-хронике «**На Нижней Дебре**» (1958); образ главного героя Николая Прокшина явно носит автобиографические черты. Начаты в 1910-е размышления о феномене России в мировом культурно-историческом процессе («**Мы**», 1926) нашли свое воплощение в беллетризированной форме в главном для худож. творчества И. романе «**Черные люди**» (1963), сразу же ставшем заметным явлением в русской лит-ре. В немалой степени успеху романа способствовали необычайная тщательность отделки деталей, а также прекрасное владение автора документальным материалом (летописи, указы, частные письма и др.). В романе нашли отражение едва ли не все наиболее значимые события русской истории XVII в.; особая роль среди персонажей была отведена Ерофею Хабарову, протопопу Аввакуму и патриарху Никону; на страницах романа можно встретить мн. реально существовавших исторических лиц. На примере семьи купцов Босых показан тот мощнейший пассионарный толчок, который позволил русским людям пройти огромное пространство, вплоть до китайских пустынь, вод Северного Ледовитого океана, и выйти на берега Тихого океана. Роман вызвал сочувственные отклики таких знатоков XVII в., как археограф В. И. Малышев и историк русского землепроходчества М. И. Белов. Историческая концепция И., изложенная им в книге «**Мы**» и проиллюстрированная «**Черными людьми**», нашла свое продолжение в книге «**Императрица Фике**» (1967). Этот сб. состоит из трех повестей: «**Иван Третий**», «**Ночь царя Петра**» и «**Императрица Фике**» (о молодости Екатерины II), каждая из которых призвана показать неустойчивое в переломные моменты русской истории динамическое равновесие внутри триады «эпоха — личность — народные массы». По замыслу И. «**Иван Третий**» должен был иметь продолжение — роман «**Александровская слобода**» — об эпохе Ивана Грозного (не окончен). К этому циклу «исторических повествований» (жанровое определение самого И.) органически примыкает и роман-исследование И. «**Александр Пушкин и его время**» (1970; 2-е изд., испр. 1977). Не претендуя на какие-либо открытия в области пушкинистики, И. постарался показать Пушкина прежде всего как человека гос. мышления, верноподданного Российской империи не только в своих взглядах, но и в повседневной жизни.

Обладая исключительной памятью и на протяжении всей жизни ведя дневники, в на-

чале 1960-х И. приступил к работе над воспоминаниями, которые успел довести до 1945. Рукопись мемуаров И. состоит из 5 томов; выдержки из первых томов, повествующие о детстве и молодости И., увидели свет (**Юность и свобода: Повествования о времени и о себе** // Дальний Восток. 1987. № 7–8; **Гул жизни** // Дальний Восток. 1989. № 10–12). Позднее в сб. «**Из неопубликованного**» были напечатаны отрывки, относящиеся к рубежу 1910–20-х. Весь же корпус воспоминаний, несмотря на его бесспорную историческую значимость, остается не опубликованным до настоящего времени. Равным образом никогда не была объектом исследования (или даже простой библиографической регистрации) совокупность всего напечатанного И. более чем за полвека на страницах периодики.

Соч.: Ленин: Биография. Харбин, 1928; Весенняя повесть о ящике на окне. Южно-Сахалинск, 1960; Валька. Хабаровск, 1961; Золотой бурундук. Хабаровск, 1963; 1984; Императрица Фике: Исторические повести / вступ. статья П. А. Николаева. М., 1968; То же. М., 1992; Черные люди. Л., 1988. Из записных книжек // Дальний Восток. 1988. № 11; Огни в тумане. Рерих — художник-мыслитель. М., 1991; Из неопубликованного / сост. Т. В. Тигонен; послесл. Ю. Букреева. Л., 1991.

Лит.: Белов М. Историческое повествование о народе // Нева. 1964. № 10; Любиева Г. Е. Художественные источники романа Вс. Н. Иванова «Черные люди» // Вопр. русской, советской и зарубежной лит-ры. Хабаровск, 1973. Т. 2. С. 22–32; Любиева Г. Е. Вс. Н. Иванов — художник // Там же. 1974. Т. 3; Гвоздева А. Диалог с совестью. М., 1980. С. 36–48. Гвоздева А. Чувство Родины // Наш современник. 1988. № 10; Шевченко В. Возвращение к народу и себе // Дальний Восток. 1987. № 7; Якимова Г. Из России — с Россией: Заметки о творчестве Вс. Иванова периода эмиграции // Дальний Восток. 1992. № 7; Алексеева Л. Ф. Блоковские традиции и «Беженская поэма» Вс. Н. Иванова // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 1998. С. 188–194; Николаев П. А. Русские писатели XX в.: биографический словарь. М., 2000. С. 300–301.

М. П. Лепехин

ИВАНОВ Вячеслав Иванович [16(28).2.1866, Москва — 16.7.1949, Рим] — поэт, драматург, теоретик символизма, филолог и переводчик.

Отец, Иван Тихонович, — землемер, позднее — мелкий служащий Контрольной палаты, скончался в 1871. Мать, Александра Дмитриевна (урожденная Преображенская) — дочь сенатского чиновника и внука сельского священника. Она с детства приви-

Вяч. И. Иванов

ла сыну патриархальную веру в Бога и любовь к поэзии. С 7 лет мальчика стали обучать иностр. языкам и российской словесности, а по утрам вместе с матерью он с удовольствием читал акафисты и тексты Евангелия. В 1-й московской гимназии (1875–84), которую И. закончил с золотой медалью, продолжали формироваться его характер и гуманитарные склонности. 12-летним гимназистом он по собственной инициативе начинает заниматься древнегреческим яз. Впоследствии он свободно будет владеть мн. европейскими яз., в т. ч. немецким, французским и итальянским. Через 2 года он внезапно осознал себя «крайним атеистом». «То мое вольнодумство,— вспоминал позднее И.,— обошлось мне самому недешево: его последствиями были тяготевшее надо мною в течение нескольких лет пессимистическое уныние, страстное вожделение смерти, воспеваемой мною и в тогдашних стихах, и, наконец, детская попытка отравления доставшимися мне от отца ядовитыми красками в семнадцатилетнем возрасте. Примечательно, что моя любовь ко Христу и мечты о Нем не угасли, а даже разгорелись в пору моего безбожия. <...> Страсть к Достоевскому питала это мистическое влечение, которое я искал примирить с философским отрицанием религии» (Автобиографическое письмо В. Иванова С. А. Венгрову // Иванова Л. Воспоминания. С. 309). В 1884 И. поступает на историко-филол. ф-т Московского ун-та. 2 года он учится под руководством историка П. Г. Виноградова. Затем по его реко-

мендации для продолжения образования И. вместе с молодой женой, сестрой своего друга Дарьей Михайловной Дмитриевской, уезжает в Берлин (1886). Переезд за границу (до 1905 И. приезжал в Россию только на короткое время) совпал у него с новым мировоззренческим кризисом. С одной стороны, его влекло к активной подпольной работе, а с другой — он перестает видеть в ней какой-либо этический и содержательный смысл. В Берлине в течение последующих 5 лет он занимается экономико-юридическими аспектами римской истории под руководством знаменитого историка античности Т. Моммзена. После окончания курса (1891) И. начинает готовить дис. о римских откупках. В это время он живет в Париже, а затем в Лондоне. С 1892 с женой и дочерью Александрой поселяется сперва в Риме, а затем во Флоренции, где изучает памятники античной культуры. Годы пребывания за границей пробудили обостренный интерес к России. «Как только я очутился за рубежом,— вспоминал И.,— забродили во мне искания мистические, и пробудились потребности осознать Россию в ее идее. Я принялся изучать Вл. Соловьева и Хомякова» (СС. Т. 2. С. 18). С начала 1890-х И. увлекается изучением Ницше, который, по его словам, становится «властителем наших дум и ковачом грядущего» (Иванов Вяч. По звездам. СПб., 1909. С. 3–4). Ницше открыл для И. феномен Диониса как вневременное начало духа, как силу, «разрешающую от уз индивидуаций». По справедливим словам С. С. Аверинцева, И. «прочел Ницше глазами русского интеллигента. Сверхчеловеческое — уже не индивидуальное, но по необходимости вселенское и даже религиозное» (Аверинцев С. С. Вячеслав Иванов // Иванов Вяч. Стихотворения и поэмы. Л., 1978. С. 16). Однако увлечение немецким философом вскоре превращается у него во внутренний спор, в котором культу ницшеанского антихристианства и волюнтаризма И. противопоставляет вечные христианские ценности. В статье «**Ницше и Дионис**» (Весы. 1904. № 5) трагическую силу Ницше он усматривает в том, что философ «не уверовал в бога, которого сам открыл миру. Он понял дионисийское начало как эстетическое и жизнь — как „эстетический феномен“. Но то начало,— подчеркивает И.,— прежде всего, начало религиозное...»

Летом 1893 в Риме он знакомится с Лидией Дмитриевной Зиновьевой-Аннибал, происходящей из аристократической сербско-русской семьи (ее брат А. Д. Зиновьев в 1903–11 был губернатором Петербурга),

что приводит его в 1895 к окончательному разрыву с дочерью и женой. Вспоминая об этом знакомстве, И. писал: «Друг через друга нашли мы — каждый себя и более, чем только себя: я бы сказал, мы обрели Бога» (Автобиографическое письмо В. Иванова С. А. Венгеру // Иванова Л. Воспоминания. С. 315). В 1896 И. официально разводится с первой женой, но бракоразводный процесс Л. Д. Зиновьевой-Аннибал из-за требований супруга оставить ему всех трех детей (будущих пасынков и падчерицы И.) затянулся до 1899. В ожидании юридического расторжения брака Л. Д. Зиновьева-Аннибал и И., скрывая свою связь, вынуждены были скитаться по Италии, Франции, Англии и Швейцарии. В начале 1899 они были обвенчаны в греческой православной церкви в Ливорно. В апр. 1896, находясь в Париже, И. узнает о кончине матери. На следующее утро в православной церкви Парижа он заказывает обедню и панихиду. «В ту пору,— пишет О. Дешарт,— он уже вернулся не только к вере, но и к вере в личного Бога, но от церкви он был еще весьма далек» (СС. Т. 1. С. 37). Вскоре от Л. Д. Зиновьевой-Аннибал у него рождается дочь Лидия («Лидия маленькая», 26.4.1896–9.7.1985), а затем появляется и вторая дочь — Елена, скончавшаяся через полтора месяца. Летом 1900 И. вместе с Л. Д. Зиновьевой-Аннибал посещает в Петербурге философа В. С. Соловьева (первое знакомство при содействии Д. М. Дмитриевской состоялось 9 окт. 1895) благодарным учеником которого И. оставался всю свою жизнь. После встречи с философом, скончавшимся 31 июля этого же года, И. и Л. Д. Зиновьева-Аннибал совершают паломничество в Киево-Печерскую лавру, где и причащаются впервые за мн. годы. Это событие знаменовало для И. окончательный отход от «языческого гуманизма» и начало подлинного воцерковления. За полтора месяца до своей смерти В. С. Соловьев одобрил и название первой книги стихов И. **«Кормчие звезды»**. В 1895 И. заканчивает работу над дис., написанной на латинском яз., **«Об обществах огупщиков в Риме»** (СПб., 1910). В дальнейшем все его жизненные интересы сосредоточиваются на религиозно-исторической и эстетической проблематике, на понимании истории мировой культуры и движения истории как религиозно-мифологического феномена. Он работает в Афинах, посещает Египет и Палестину. В начале XX в. И. вместе с женой обосновывается в Женеве, где изучает санскрит. Ранние стихотворные публикации И. в русских жур-

налах (Космополис. 1898. № 11; Вестник Европы. 1898. № 9; 1899. № 6) остались практически незамеченными.

Первый сб. стих. «Кормчие звезды» вышел за счет средств автора в Петербурге в 1903. Критика устанавливает за И. репутацию «Третьяковского наших дней». Одновременно И. продолжает разрабатывать свои философско-религиозные исследования, связанные с античностью. Весной 1903 в Русской высшей школе общественных наук в Париже И. читает курс лекций об античном дионисийстве (**Эллинская религия страдающего бога** // Новый путь. 1904. № 1–3, 5, 8–9; **Религия Диониса** // Вопр. жизни. 1905. № 6–7). Здесь же на курсах И. знакомится с В. Я. Брюсовым, с которым надолго завязываются дружеские отношения (см. их переписку 1903–23 гг. // ЛН. Т. 85. С. 428–545). Летом 1904 И. с женой гостят в кругу московских символистов, где И. быстро приобретает заслуженный авторитет. В Москве он знакомится с А. Белым, К. Д. Бальмонтом, Ю. К. Балтрушайтисом, а в Петербурге с Д. С. Мережковским, З. Н. Гиппиус и А. А. Блоком. Одновременно он начинает сотрудничать в ведущих ж. русских символистов «Весы», надеясь сделать это издание рупором нового религиозного теургического искусства. Однако его расчеты не оправдались, что, видимо, и побудило его по возвращении в Россию выбрать местом жительства не Москву, а Петербург, в котором активно разворачивалась лит.-общественная деятельность четы Мережковских.

В 1904 написана трагедия **«Тантал»**, а в Москве выходит вторая книга лирики И.— **«Прозрачность»**, с воодушевлением встреченная символистами. Блок в рецензии на книгу (Новый путь. 1904. № 6) писал: «Поэзия Вяч. Иванова может быть названа „ученой“ и „философской“ поэзией. По крайней мере — за исключением немногих чисто лирических и прозрачных, как горный хрусталь, стихотворений (например, „Лилия“) — больше всего останавливают внимание те, на которых лежит печать глубокого проникновения в стиль античной Греции. <...> Почти все стихи сделаны с тонким вкусом, с приемами, еще не примененными в нашей литературе». Характеризуя вторую книгу стихов И., С. С. Аверинцев отмечает: «Иногда Иванов достигает новой, недоступной ему прежде тонкости; иногда он приходит к досадной красивости. И все же он остается прежде всего самим собой — „каменным“ поэтом. Он включает в сборник целый цикл стихотворений о драгоценных камнях — алмазе, руби-

не, аметисте и т. д. Он снова сравнивает живую трепетную зелень с застывшим смарагдом <...>. Он с еще большей неумолимостью чеканит по-античному сжатые афоризмы для выражения „вечных“ истин...» (Аверинцев С. С. Вячеслав Иванов // Иванов Вяч. Стихотворения и поэмы. Л., 1978. С. 42). В 1904 написаны статьи «Поэт и чернь», «Ницше и Дионис», «Копье Афины», «Новые маски».

В июле 1905 Ивановы окончательно переезжают в Россию, сняв в Петербурге квартиру на Таврической улице, на последнем этаже в башне углового дома. С начала осени «башенные» среды И. становятся одним из наиболее известных лит. салонов российской столицы. В «становище» (так называли Мережковские квартиру Ивановых) шла, по словам Белого, «яркая, но сумасшедшая жизнь». Практически в ней перебивал весь цвет лит.-богемного, артистически-худож. и интеллектуального Петербурга. Ночная жизнь ивановских «сред» привлекала к себе как убежденных седиными старцев, так и разнообразную молодежь. На «симпозионе» И., по воспоминаниям бесменного председателя «сред» Н. А. Бердяева, «происходили самые утонченные беседы на темы литературные, философские, мистические, оккультные, религиозные <...> В. Иванов был незаменимым учителем поэзии <...> виртуозом в овладении душами людей. Его пронизывающий змеиный взгляд на многих, особенно на женщин, действовал неотразимо» (Бердяев Н. А. Самопознание. Л., 1991. С. 154–155). Здесь можно было встретить А. Блока, Ф. Сологуба, В. Розанова, З. Гиппиус, Д. Мережковского, К. Сомова, Л. Бакста, М. Добужинского, Вс. Мейерхольда, В. Комиссаржевскую, М. Горького, А. Луначарского, В. Эрн, С. Франка, Л. Шестова, Г. Чулкова, С. Городецкого, Н. Гумилева, М. Волошина, В. Хлебникова, О. Мандельштама, М. Цветаеву, А. Ахматову и др. На «башне» 19 апр. 1910 состоялась в постановке Вс. Мейерхольда премьера драмы Кальдерона «Поклонение кресту» в пер. К. Бальмонта. Особая культурно-герменевтическая атмосфера двусмысленности и утонченного эротизма «башни» и внешнего мира разительно между собой расходились. «Когда я вспоминаю «среды», — писал Н. А. Бердяев, — меня поражает контраст. На „башне“ велись утонченные разговоры самой одаренной элиты, а внизу бушевала революция. Это были два разобщенных мира. <...> Однажды, когда „среда“ была особенно переполнена, был произведен обыск, произведший сенсацию <...> Но в общем

культурная элита на „башне“ была изолирована. „Мистический анархизм“, существовавший короткое время, нисколько не приближал к социальному движению того времени» (Там же. С. 155–156). Собрания на «башне» были прекращены осенью 1909, когда заседания «Поэтической академии», преобразованной в «Общество ревнителей худож. слова», были перенесены в редакцию «Аполлона».

В 1907 выходит третий поэтический сб. И. «Эрос». Откликаясь на него, В. Брюсов писал: «В 34 стихотворениях, образующих „Эрос“, Вяч. Иванов вновь предстает перед нами поэтом, не знающим запрета в своем искусстве, властно, как маг, повелевающим всеми тайнами русского стиха и русского слова. <...> Вяч. Иванов принадлежит к числу художников, достигших всех вершин искусства <...> Поэзия Вяч. Иванова — новый этап в истории русской литературы, открывающий пути в далекое будущее...» (Весы. 1907. № 2).

17 окт. 1907 в Загорье, в дальнем поместье Могилевской губ., от скарлатины скоропостижно умирает на руках И. его жена, его «Диотима», любить которую поэт продолжал всю свою жизнь. Внезапная смерть близкой женщины потрясла И. и вместе с тем явилась поворотным моментом в его творчестве и духовных исканиях. Последующий, через два с половиной года, брак с падчерицей В. К. Шварсалон, очень похожей на мать, смягчил, но не заслонил живой памяти о Лидии Зиновьевой-Аннибал. Своеобразным итогом жизни на «башне» явились два тома стихов «Cor ardens» (лат. «Пламенеющее сердце»), последовательно появившихся в 1911 и 1912, а также примыкающая к ним книжка стихов «Нежная тайна» (СПб., 1912) — дань любви у «милый могилы» Лидии к ее дочери вере. Книги «Cor ardens» получили высокую оценку у критиков. Тот же Брюсов, внимательно следивший за творчеством И., писал: «Если „Кормчие звезды“ были крепким фундаментом, рассчитанным на величественное здание, если „Прозрачность“ была перистилем, а „Эрос“ — великолепной аркой, поставленной перед будущим храмом, то „Cor ardens“ являет нам уже часть этого храма <...> Христианская мистика проникает все восприятие Вяч. Иванова, и, нигде не выставляя ее напоказ, он действительно создает религиозную поэзию, в лучшем смысле этого слова...» (Русская мысль. 1911. № 7).

В предреволюционные годы И. с особой сосредоточенностью размышляет о религиозно-мистической судьбе человечества, России

и человеку. В своей лирико-философской поэме «Человек» (1915–19; Париж, 1939), названной писателем «мелопеей», он вновь возвращается к вечным темам своего творчества. Поэма, непростая для понимания, но цельная по своему замыслу и исполнению, явилась новым духовно-худож. достижением И. Священник П. Флоренский даже собирался сделать к ней свой комм., но задуманное так и не осуществил. Главную суть мелопеи И. выразил в следующих пронизанных языковой архаикой приподнятых строчках: «„Аз есмь“ Премудрость в нас творила, / „Еси“ — Любовь. Над бездной тьмы / Град Божий Вера озарила. / Надежда шепчет: „Аз — есмь“». В поэме «Младенчество» (1913–18; Пг., 1918), написанной не без полемики с блоковским «Возмездием», поэт через житейскую мудрость вновь возвращается к блаженным годам своего детства, овеянного романтическим чувством «первобытного рая». До своего окончательного отъезда за границу (1924) И. еще раз возвращается к поэзии и драматургии. Стихотворный цикл «Песни смутного времени» (1918) отразил неприятие И. вне-религиозного характера русской революции. В 1919 он издает трагедию «Прометей», а в 1923 заканчивает музыкальную трагикомедию «Любовь — мираж?».

В первое десятилетие нового века И. принимает активное участие в работе Петербургского религиозно-философского общества, сотрудничает в ж. «Весы», «Золотое руно», «Труды и дни», «Русская мысль» и др. В 1910–12 преподает историю древнегреческой лит-ры на Высших женских историколит. курсах Н. П. Раева, сменив на этом месте ушедшего из жизни И. Ф. Анненского. Весной 1912 Ивановы уезжают во Францию и поселяются на берегу Женевского озера в городке Невсель около Эвиана, где летом этого года появляется на свет сын И.— Дмитрий. В конце осени Ивановы переезжают в Рим. В последних числах авг. 1913 они возвращаются с годовалым сыном в Россию и поселяются в Москве. Здесь И. сблизается с кругом лиц, группировавшихся вокруг изд-ва «Путь»: В. Ф. Эрном, П. А. Флоренским, С. Н. Булгаковым, М. О. Гершензоном, завязывает отношения с композиторами А. Н. Скрябиным и А. Т. Гречаниновым; близко общается с Г. А. Рачинским, Е. Н. Трубецким, Н. А. Бердяевым, Э. К. Метнером, Ф. А. Степуном и др. В это же время он много работает над переводами Алкея, Сафо (1914), Петрарки (1915). Касаясь переводческой деятельности И., С. Маковский писал: «Из поэтов после Эсхила, которого он всего

перевел, он ставил на недостижимую высоту, конечно, Гете. <...> Но и тут, может быть, самое примечательное в нем — это то, что ни эллинизм, ни гетееанство не затмевают его русскости <...> Сопряжение <...> книжных „русицизмов“ с мифологическим содержанием кажется Вячеславу Иванову вполне естественным, он убежден (как и заявляет в предисловии к „Нежной тайне“), что „античное предание насущно нужно России и славянству, ибо стихийно им родственно“» (Маковский С. Вячеслав Иванов в России // Воспоминания о Серебряном веке. М., 1993. С. 120–121).

Едва ли не большую славу И. не как поэту, а как одному из главных теоретиков русского религиозного символизма, принесли сборники его разнообразных статей по вопросам религии, философии, эстетики и культуры: «По звездам» (1909), «Борозды и межи» (1916), «Родное и вселенское» (1917); сюда же примыкает и «Переписка из двух углов» (1921). Философские и эстетические размышления И. определялись, с одной стороны, христианством, а с другой — великой эллинской мудростью. Уже в 1905 И. определяет духовный кризис европейской культуры как «кризис индивидуализма», которому должна противостоять религиозная, «органическая эпоха» будущего, возрожденная прежде всего в лице России. Функцию религиозного обновления человечества, по представлению И., берет на себя христианство. Если в работах 1903–07 дионисийские и христианские символы переплетаются равноправно, то с 1907 в связи с отказом от каких-либо «палингенетических» проектов дионисийская сфера теряет у него всякую самостоятельную роль. Главной философско-теоретической заслугой И., по мнению Ф. А. Степуна, являлось утверждение концепции религиозно-реалистического символизма, которую мыслитель противопоставил концепции символизма идеалистического, являющегося лишь «утонченнейшей формой художественного натурализма». Кратко определяя различие двух символизмов, философ писал: «Религиозный символизм — это обретение истины и преобразование ее светом мира и жизни, идеалистический — изобретение истины <...> Религиозный символизм — это утверждение и раскрытие предвечного бытия, идеалистический — защита неосуществимого идеала. Религиозный символизм — устремленность к объективной истине, идеалистический — к субъективной свободе» (Степун Ф. А. Лит.-критические статьи // Русская лит.-ра. 1989. № 3. С. 125).

После Февральской революции 1917 И. становится одним из членов-учредителей «Лиги русской культуры», читает курсы лекций по лит-ре, театру, поэтике. Весной 1918 совместно с С. Булгаковым, П. Флоренским, А. Лосевым и др. задумывает издание серии книг «Духовная Русь». Однако в связи с появлением цензуры и Постановлением СНК от 18 марта 1918 «О закрытии московской буржуазной печати» задуманное претворить в жизнь не удается. Осенью 1918 вышел из печати (так и не поступивший в продажу) сб. «De profundis» («Из глубины»), в котором И. вместе с другими авторами пытается уяснить исторический и религиозный смысл «той катастрофы, которая, — по словам П. Б. Струве, — именуется <...> русской революцией» (Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 460). В статье сб. «Наш язык» И. возвращается к теме борьбы с оскудением русского яз., поднятой им еще в 1905. Он вновь обращает внимание читателей на то, как «кощунственно оскверняют богомерзким бесивом» богатый, свободный, не обмирщенный русский яз. «Оскудение языка — оскудение души народа», — утверждает И. (Вопр. жизни. 1905. № 9). В связи с внерелигиозным характером Октябрьской революции 1917 и победой большевиков И., по словам очевидца, «со всем своим эсхатологизмом — имел вид человека, совершенно растерявшегося, сошедшего с рельс» (Сабанеев Л. Мои встречи. «Декаденты» // Воспоминания о Серебряном веке. М., 1993. С. 349). Тем не менее первое время он пытается сотрудничать с новой властью. В 1918–20 является председателем историко-театральной секции ТЕО Наркомпроса, читает лекции, ведет занятия в секциях Пролеткульта. В это же время он принимает участие в деятельности изд-ва «Алконост» и ж. «Записки мечтателей», пишет «Зимние сонеты» (в книге: Поэзия революционной Москвы, 1922). После смерти от туберкулеза жены, последовавшей в Москве 8 авг. 1920, и неудачной попытки получить разрешение на выезд за границу в начале осени И. с дочерью и сыном отправляется в один из санаториев Кисловодска, а через месяц, в связи с началом военных действий в районе города, семья срочно переезжает в Баку, где И. приглашают на работу в Бакинский ун-т. 19 нояб. 1920 его единогласно избирают ординарным профессором по кафедре классической филологии. В 1921 он защищает здесь докторскую дис., которая вошла в его книгу «Дионис и прадионисийство» (Баку, 1923). Более трех с половиной лет И. ведет активную преподавательскую работу: руко-

водит семинариями, читает курсы по древней и новой лит-ре, истории религии и европейской философии, преподает древние и новые яз., выступает с публичными лекциями (См.: Котрелев Н. В. Вяч. Иванов — профессор Бакинского университета // Ученые записки Тартуского ун-та. Т. IX. Вып. 209. Тарту, 1968. С. 326–338). В мае 1924 И. неожиданно приглашают приехать в Москву, чтобы принять участие в первых Всесоюзных Пушкинских торжествах по случаю 125-летия со дня рождения поэта. Вместе с А. В. Луначарским и П. Н. Сакулиным 6 июня он выступает в Большом театре, где произносит юбилейную речь «Пушкин в 1824 году». В своей речи «он говорил о „Цыганах“ и о необходимости для России вновь обрести свой религиозный лик» (Иванова Л. — С. 120). Значительными событиями для поэта в этот последний приезд в Россию явились его встречи с В. В. Маяковским, П. А. Флоренским и В. Я. Брюсовым. После трехмесячного пребывания в Москве (с конца мая по 28 авг.) И. вместе с семьей разрешают на 6 недель отправиться в командировку в Венецию, однако в Россию поэт больше не возвратился. В Венеции семья пребывает несколько дней, а затем переезжает в Рим. Дети поступают учиться, а И. в течение года, получая скудное советское пособие, подумывает о необходимости заработка. Не принимая политики воинствующего атеизма и оставаясь верным себе, И., по примеру В. С. Соловьева, 4(17) марта 1926, в день св. Вячеслава в России, в присутствии отца Владимира Абрикосова и дочери Лидии присоединяется к католичеству, не отрекаясь (по специальному, с трудом добытому разрешению Сант' Уффичо) от православия. По словам сына поэта, «становясь католиком, Иванов не только не покидал истинную Церковь Православную и дорогой ему восточный обряд, но присоединяясь к Церкви Кафолической, впервые чувствовал себя православным в полном смысле этого слова» (Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М., 1999. С. 90). Через полтора года жизни в Риме И. получает приглашение стать преподавателем в Павии — небольшом университетском городке под Миланом. С осени 1926 по лето 1934 он занимает там место профессора новых яз. и литератур в частном учебном заведении — университетском Колледжио Борромео — и одновременно читает лекции по русскому яз. и лит-ре в Павийском ун-те. Годы, проведенные в Павии, И. вспоминал с благодарностью, а учебные вакации позволяли ему приезжать в Рим на целых четыре месяца. В этот период его

посещают друзья и знакомые — Ф. Ф. Зелинский, Н. П. Оттокар, М. Бодмер и Г. Штейнер (издатель и соредактор ж. «Согопа», в котором в 1931–37 печатаются на иностр. яз. работы И.), французский переводчик и критик, редактор ж. «Vigile» Ш. Дю Бос, издавший в 1930 на французском яз., а затем и отд. книгой «Перепишу из двух углов» И. и М. О. Гершензона, христианский философ-экзистенциалист Г. Марсель и др. «Сильное впечатление», по словам И., произвел и приезд к нему в 1927 философа и редактора ж. «Die Kreatur» М. Бубера. Соглашаясь с главной идеей философа, И. писал: «Не нужно говорить о Божестве как предмете веры, это разделяет и надмевает; нужно Европе оздоровиться сердечною верою в Создателя» (Иванова Л.— С. 173). В этом же году состоялось и очное знакомство с О. А. Шор (псевдоним О. Дешарт), будущим биографом поэта, соредактором и комментатором его соч., близким другом семьи Ивановых в последующие годы, где ее прозвали «Фламинго». В предвоенное время поэт общается также с И. Н. Голенищевым-Кутузовым, Е. В. Аничковым, И. А. Буниным, Д. Мережковским. В 1934 И. окончательно переезжает в Рим, где и живет до конца своих дней. До 1935 он сохраняет советское гражданство, не печатается в эмигрантских журналах, стоит в стороне от общественно-политической жизни. В Риме в 1934–43 он преподает церковнославянский яз. и русскую лит-ру в Руссикуме, а затем и в находящемся рядом Папском Восточном ин-те. В последние десятилетия наблюдается относительный спад его творчества. В 1924 он создает «**Римские сонеты**», а в 1944 — цикл из 118 стих. «**Римский дневник**», вошедший в подготовленное им, но изданное посмертно итоговое собр. стихов «**Свет вечерний**» (Оксфорд, 1962). После смерти И. осталась незаконченной начатая еще 28 сент. 1928 прозаическая «поэма» «**Повесть о Светомире царевиче**», над которой писатель работал до последнего дня своей жизни. В 1930–40-е И. продолжает публиковать в иностр. изданиях свои отдельные статьи и работы. В 1932 он издает на немецком яз. монографию «**Достоевский. Трагедия — миф — мистика**». В 1936 для энциклопедического словаря Трекани на итальянском яз. пишет статью «**Символизм**». Затем для других итальянских изданий: «**Форма зиждущая и форма созижденная**» (1947) и «**Лермонтов**» (1948; опубл. в 1958). В последних двух статьях он возвращается к размышлениям о Софии в контексте мировой и русской

культуры. И. много работает над комментариями Евангелия, Деяний и Посланий св. апостолов, Откровения св. Иоанна (последние 3 книги с введениями и прим. И. изданы в Риме в 1946). С 1948 по заказу Ватикана он работает над прим. к Псалтири (вышла в Риме на церковнославянском и русском яз. в 1950). Ведя довольно уединенный образ жизни на протяжении последних лет, он с наслаждением читает «О граде Божием» Блаженного Августина, встречается с Ж. Маритеном, Т. Л. Сухотиной-Толстой, Б. К. Зайцевым.

Уже в эмиграции, мучительно размышляя о провиденциальной роли России и судьбе человечества, И. путем прозрений и внутренних символов приходит к мысли о том, что мечущаяся между светом и тьмой раздвоенная русская душа «стала иной». Она больше не является жертвой своей судьбы, но, мистически испепеляя себя, преподает урок человечеству, становясь его испуганной жертвой. Своей «чудовищной жертвой» (хотя и здесь ничего predeterminedного в визионерстве И. не было) Россия, по мысли писателя, призвана в свете грядущего христианского возрождения либо «спасти мир», либо «безусловным кошунством увлечь его за собой ко вселенскому отступничеству, в беспощадную войну против Агнца Господня» (Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М., 1999. С. 85). Однако, несмотря на умножение путей, «ведущих к гибели», до конца своих дней он продолжал верить в христианскую миссию России, в духовно-религиозное спасение человечества.

Наряду с П. А. Флоренским и В. В. Розановым И. явился одним из наиболее ярких и талантливых «оформителей» и выразителей русской национальной идеи первой половины XX в. Причем выразителем не столько церковно-традиционного и народного, сколько мистико-логического и одновременно мистико-эстетического крыла русского православного самосознания (если под последним понимать стремление выразить через «метафизику всеединства» законы и принципы онтологического устройства бытия и внутреннего строй народной души). Хотя и не все религиозные идеи И. оказались реалистичными и выдержали проверку временем, тем не менее мироощущение и мироощущение поэта всегда оставалось глубоким и верным. Борясь с разлагающим принципом декадентского индивидуализма, он привносил в лит-ру и жизнь живую веру в христианско-гуманистический, соборный, философско-религиозный смысл. Одним из первых он со всей остротой поставил перед человечеством

труднейшую проблему диалогизма. «Вечное» символическое искусство он, как никто другой, обогатил опытом национальной и мировой духовной культуры. Высочайшую оценку И. как мыслителя и поэту давали практически все, в т. ч. Ф. Степун, Б. Зайцев, П. Флоренский. В. Эрн говорил о нем как о мыслителе «огромной, пленительной глубины», как об «ослепительном» мастере слова (Эрн В. Ф. Соч. М., 1991. С. 124). Весьма примечательна оценка и А. Ф. Лосева, который, вспоминая о своих встречах с прославленным «мэтром», писал: «Я целую жизнь являюсь сторонником Вячеслава Иванова, являюсь его учеником <...> Для меня это авторитет в смысле мировоззрения. В смысле единства искусства, бытия, космологии и познания человека <...>. Это не прихоть художественная, а широкая объективная картина <...> это — наивысший реализм, а не субъективизм, хотя тут на каждом шагу — тайна. Родное и вселенское» (Лосев А. Ф. Из последних воспоминаний о Вячеславе Иванове // Эсхил. Трагедии / пер. Вяч. Иванова. М., 1989. С. 465–466).

Соч.: СС. Т. 1–4 / подгот. текста Д. В. Иванова, О. Дешарт. Брюссель, 1971–87; Стихотворения. Поэмы. Трагедия: в 2 кн. / вступ. статья А. Е. Барзаха, прим. Р. Е. Помирчего. СПб., 1995; Незаконченная трагедия Иванова «Ниобея» / публ. Ю. К. Герасимова // Ежегодник РО Пушкинского Дома. 1980. Л., 1984; Переписка из двух углов / совм. с М. О. Гершензоном // Наше наследие. 1989. № 3; Предчувствия и предвестия: Сб. статей. М., 1991; Родное и вселенское / вступ. статья В. М. Толмачева. 1994; Вяч. Иванов. Материалы и публикации / сост. Н. В. Котрелев // Новое лит. обозрение. 1994. № 10; Лик и личности России: Эстетика и лит. теория / вступ. статья, прим. С. С. Аверинцева. М., 1995; Вяч. Иванов: Материалы и исследования. М., 1996; Вяч. Иванов: Архивные материалы и исследования. М., 1999; Дионис и прадионисийство. СПб., 2000; Русско-итальянский архив III: Вяч. Иванов. Новые материалы / сост. Д. Рицци, А. Шишкин. Салерно, 2001; Лермонтов // М. Ю. Лермонтов: Pro et contra. СПб., 2002.

Лит.: Брюсов В. Я. СС. М., 1975. Т. 6; Анненский И. Ф. Книги отражений. М., 1979; Гумилев Н. Письма о русской поэзии. Пг., 1923; М., 1990; Белый А. Начало века. М.; Л., 1933; М., 1990; Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976; Минц З. Г. А. Блок и Иванов // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту. 1982. Вып. 604; Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. М., 1992; Егоров Б. Ф. Вяч. Иванов и русские славянофилы // Русский текст. СПб.; США, 1993. № 1; Зайцев Б. Вячеслав Иванов. Воспоминания о Серебряном веке / сост., автор предисл. и комм. В. Крейд. М., 1993; Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым / сост. В. А. Дымшиц, статья и комм. К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 1995.; Франк С. Л.

Артистическое народничество (Вяч. Иванов. «По звездам») // Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996; Струве Г. П. Русская литература в изгнании. М., 1996; Пяст Вл. Встречи. М., 1997; Ильин В. Н. Эссе о русской культуре. СПб., 1997; Пургин С. П. Философия в круге слова: Вяч. Иванов. Екатеринбург, 1997; Берг Р. Вяч. Иванов за рубежом // Культура русской диаспоры: саморефлексия и самоидентификация. Тарту, 1997; Степун Ф. А. Встречи. М., 1998; Обер Р., Гфеллер У. Беседы с Димитрием Вячеславовичем Ивановым. СПб., 1999; Богомолов Н. А. Русская лит-ра начала XX в. и оккультизм. М., 1999; Обатнин Г. Иванов-мистик. Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вяч. Иванова (1907–1919). М., 2000; Борисова Л. М. Трагедия Вяч. Иванова в отношении к символистской теории жизнетворчества // Русская лит-ра. 2000. № 1; Маковский С. К. Портреты современников. М., 2000; Аверинцев С. С. «Скворещицы вольных граждан...» Вяч. Иванов: путь поэта между мирами. СПб., 2001; Корецкая И. В. Лит-ра в кругу искусств. М., 2001; Вячеслав Иванов — творчество и судьба: К 135-летию со дня рождения / сост. Е. А. Тахо-Годи. М., 2002; Русско-итальянский архив II / сост. Д. Рицци, А. Шишкин. Салерно, 2002; Вяч. Иванов — Петербург — мировая культура: Материалы международной науч. конференции 9–11 сент. 2002 г. Томск; М., 2003.

В. С. Федоров

ИВАНОВ Геннадий Викторович [14.3.1950, г. Бежецк Калининской (ныне Тверской) обл.] — поэт.

По отцовской и материнской линии родом из крестьян Тверской губ. Родители рано разошлись, поэтому отца не помнит; воспитывался матерью и отчимом. Детство провел в деревне Высочек Бежецкого района. Первые представления о мироустройстве почерпнул от глубоко религиозной бабушки, которая заронила в детскую душу ощущение, что Бог видит всё. Поэт вспомнил ее не раз в стихах: «Полосы снега метельного / Ветер пронесит по льду. / Над занесенными елями / Первую вижу звезду. / ...Бабушка часто в раздумии / Учит, чтоб я уповал: / Люди, что жили, не умерли — / На небе век их настал. / ...Есть ли там снежные россыпи? / Песни поют ли? О чем? / Разве с такими вопросами / Справишься детским умом...» («Далекое»).

Учился в с. Градницы в школе, располагавшейся в бывшем барском доме Гумилевых, перевезенном в 1930-х из Слепнева. Впоследствии бежецкая земля и фигура Н. С. Гумилева, порожденного ею, будет питать не одно стих. И.: «Нет на земле могилы Гумилева, / Но есть могила матери его — / Здесь можно постоять и поклониться / И матери, и сыну, и земле... / ...Нет на земле могилы Гу-